Елена Сапрыкина

Едва заметный след карандаша

Стихи и проза

Елена Сапрыкина

Едва заметный след карандаша. Стихи и проза

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74575766
Едва заметный след карандаша. Стихи и проза: Перо; Москва; 2026
ISBN 978-5-00289-204-4

Аннотация

В новую книгу Елены Сапрыкиной – известного поэта, члена Союза писателей России, лауреата Международной премии имени Андрея Платонова – вошли стихи и проза разных лет. Заглавие сборнику дала строчка из её стихотворения: «Живи пока, чтоб на земле оставить едва заметный след карандаша». Лирика Елены Сапрыкиной – о любви и памяти, о вере и тревогах времени, о хрупкости человеческой жизни и силе духа. Прозаические страницы дополняют поэтический цикл размышлениями и наблюдениями автора. Книга адресована всем, кто неравнодушен к современной русской поэзии.

Содержание

Стихи 8
«Заброшу этот ужас…» 8
«Рассвет оранжевою птицей…» 10
«От рябин в глазах рябит…» 11
«Ветряные мельницы судьбы…» 12
«Молюсь за этот город…» 13
«День уплывает. Они непреклонны…» 14
«Когда просили исцеленья…» 15
«Зажгла огни весенняя артель…» 16
«Мерцает лунное болотце…» 17
«Россия, снег, провинция немая…» 18
«Кто знает, где берёт поэт отвагу?..» 19
«Ты – тонкокрылый призрак лета…» 20
«Не умирайте, белые деревья!..» 21
«Снег сошёл. Оттаяли берёзы…» 22
«Эти белые ночи последней любви…» 23
«Жизнь мою, просыпанную в травы…» 24
«На подступах к воротам Светограда…» 25
«Шум-шурубум. По крыше…» 26
«Открылись окна в сад. Задиристая вишня…» 27
«Переезды, перелески…» 28
«На могиле деда…» 29
«Сажал мой прадед яблоневый сад…» 31

«Волна судьбы меня на берег вынесла…» 32
«Ишь ты, пранцы заешь его, лихо…» 34
«Панцирь холода на плечи…» 35
«Как играет солнце при восходе!..» 36
«Такая жизнь – как промельк жадный…» 37
«Окон ржавые педали…» 38
«Я люблю вас, белая метель!..» 39
«Оконца дней сместились к горизонту…» 40
«Лёд для вина и ледок одиночества…» 41
«Как это облако безгласно!..» 42
«Зелёные глаза – как подорожники…» 43
«Ты увидел, как ели глядят…» 44
«Горький дым отечества глотая…» 45
«День придёт – и мы помолодеем…» 46
«Снежная, белая, долгая тишь…» 47
«Осенние вспышки лесного народа…» 48
«Холодный чайник дремлет на плите…» 49
«Из года в год ты тянешь поневоле…» 50
«Осталось ждать совсем немного…» 51
«Зажат мой день в тисках заката…» 52
«И дождь, и снег, и облачные стены…» 53
«Всё поёшь и поёшь, одинокая птичка…» 54
«Мы как будто ещё и не жили…» 55
«Зачем, скажи, настойчиво и нежно…» 56
«Дождь говорил рокочущим баском…» 57
«Опять цветёт черёмуха…» 58

«Какое краткое свиданье…» 59
«Листва парит над нами семицветно…» 60
«Москва прощается с листвой…» 61
«Я разворачиваю свиток…» 62
«Как ярок белый свет и неутешен ветер!..» 63
«Седой тростник, поёт твоя душа…» 64
«Всё тело, тело, тело…» 65
«Собираю хворост голосов…» 66
«Инструментовкой тонкой…» 67
«Деревья у деревни Снегири…» 68
«Рисуют ветки стрелки на воде…» 69
«Густой туман полоской серебристой…» 70
«О, мой посеребрённый витязь!..» 71
«Мечтаньям вопреки забиться в душный кокон…» 72
«Едва, едва лишь рассвело…» 73
«Какая стройная душа…» 74
«Цветёт черемуха, и плещется душа…» 75
«Грустит погода-недотрога…» 76
«Мы повторим и Блока, и Марину…» 77
«Заря осенняя, каракули ветвей…» 78
«Собираю хворост голосов…» 79
«С утра такая благодать!..» 80
«Вечерний поезд над рекой…» 81
«И ты, как я… Ты так же одинок…» 82
«Ловлю я тень твоей звезды…» 83

«И снова десятые годы…» 84
«Я ловко прячусь от дождя…» 85
«Бежит зима тропинками обид…» 86
«Во мне так много собралось…» 87
«Троллейбус – бычья голова…» 88
«Забыть себя. Учиться только смыслу…» 89
«Я научусь любить и понимать…» 90
В Юрьевце 91
«Закон стремительного утра…» 92
«Бегущий август кинул паутину…» 93
«В двух шагах от любви…» 94
«Поёт, поёт шарманка…» 95
«С метелью играю…» 96
«Цветёт ли сакура, когда летит волна…» 97
«Скачи, мой сон – пружинистый кузнечик…» 98
«Ты от долгой дороги устал…» 99
«Деревья – это молитвы…» 100
«Как будто снег, как будто непогода…» 101
«Кругом сирень – цветущий джаз…» 102
«Москва, пронизанная током…» 104
«Как страшно, трепеща крылами…» 106
«Цветёт каштан, и грезит май дождём…» 107
«Зима, как белый пароход…» 108
Конец ознакомительного фрагмента. 109

Елена Сапрыкина
Едва заметный след карандаша
Стихи и проза

© Елена Сапрыкина, 2026

*** * ***

Идти – так в гору, а любить – так небо
В его живой янтарной глубине.
Из солнечной печи краюшка хлеба
Во все века останется в цене.
Вчера была девчонкою беспечной
С тугой косичкой, с бантиком смешным…
А завтра станешь страннищею вечной
И в атмосферный превратишься дым.
Тогда найдёт, куда стопы направить
Из кокона земли, твоя душа.
Живи пока, чтоб на земле оставить
Едва заметный след карандаша…

Стихи

«Заброшу этот ужас…»

Заброшу этот ужас —
Сверять и вымерять.
Последний рубль на ужин
Я буду проедать.
Забуду телефоны,
Забуду адреса.
А только звоны, звоны,
А только – голоса.
Вам хочется метаться
В толпе и вразнобой.
А мне – во мгле акаций
Сидеть с моей трубой.
Труба моя нелепа
И не ласкает слух.
Она – краюха хлеба,
Когда ослабнет дух.
Она звучит за кадром,
Когда настигнет тьма.
Она святой эскадрой
Приходит, как зима.

1989

«Рассвет оранжевою птицей…»

Рассвет оранжевою птицей
Летит в туманные края.
Ложится бледная, ложится
В застывшем небе колея.

И солнце – утлая лодчонка,
И кучевые облака…
И одинокого бочонка
Судьбы смолистые бока.

Плывёт, плывёт, и заколочен
В бочонке смысл моей страды.
Но я за ним. Мой выбор точен.
И веет радостью с воды.

1998

«От рябин в глазах рябит…»

От рябин в глазах рябит.
Хочется дышать прохладой,
Хочется бежать в зенит
И кружиться листопадом.
Просто так – сойти в овраг
Ослепительною глиной.
Любоваться просто так
Этой чистою картиной,
Этим фейерверком дня,
Горьким увяданьем мира,
Этой поступью огня
И падением кумира.

1998

«Ветряные мельницы судьбы…»

Ветряные мельницы судьбы…
Тяжелы напрасные сраженья.
Там, где придорожные столбы
Громыхают полным снаряженьем.

Там, где ивы стелют у реки
Яркие зелёные постели,
Где скрывали солнце сосняки —
Майские жуки вчера взлетели.

Там, не зная страха, не ропща,
Можешь ты идти по тропке узкой
Под покровом тонкого луча,
Если ты живой и если русский.

1998

«Молюсь за этот город…»

Молюсь за этот город
И дом на берегу.
Там убегает в гору
Дорожка на снегу.
И зарево дымится
В разбуженной печи.
Распахнутые лица.
Подземные ключи…
Возьму свои пожитки
И поутру уйду.
А ваших жизней свитки
Закованы во льду.
В сердцах храните порох,
И там, на берегу,
Вы не сдадите город
Коварному врагу.

1998

«День уплывает. Они непреклонны…»

День уплывает. Они непреклонны —
Лица в серебряных окнах вагонных.
День уплывает, и движутся лица.
Дымка осенняя – серая птица.

В сонме летящих теряются взоры,
Песни, рыданья и всякие вздоры.
Меж инородных, пустых, никудышных,
Перебродивших, потерянных, лишних,
Ты был один, словно глиняный слепок,
Ты мне два слова сказал напоследок…
Нежно смахнул паутины осколок.
Сумрачный день оказался расколот.
Город осенний, как сонная муха,
Прячется в угол, где жарко и сухо.

День уплывает. Они непреклонны —
Лица в серебряных окнах вагонных.

1998

«Когда просили исцеленья…»

Когда просили исцеленья
И крест несли,
И были жаркие моленья
В земной пыли.
Болели слабые колени,
И ночь была.
И пели звонкие ступени —
Колокола.
И стены каменные пели.
Был светел храм.
И брызги солнечной купели
Летели к нам.
А жизнь земная нам грозила
Издалека.
Спасала нас Господня сила,
Его рука.

1998

«Зажгла огни весенняя артель…»

Зажгла огни весенняя артель,
Пошли под снос последние бараки.
Как одиноко плачет коростель!
Песок да пыль. Кусты да буераки.

Переверни песочные часы,
Лови, лови песочные минуты.
Вот-вот падут хрусталики росы —
Лесной зари ночные атрибуты.

Сложил туман холодную постель.
Прошла пора короткого ночлега.
Зажгла огни весенняя артель,
И заскрипела сонная телега.

1999

«Мерцает лунное болотце…»

Мерцает лунное болотце,
И приближается заря.
Сильнее, чище сердце бьётся.
Заря – не зря, и жизнь – не зря.

Во тьме кромешной вязнут звуки.
Всё ближе, ближе птичий всплеск.
И ты берёшь всю землю в руки,
Глядишь, пока не надоест.

Стареет снежная извёстка,
И обнажается земля.
А жизнь – тончайшая полоска
На тёмном небе февраля.

1999

«Россия, снег, провинция немая…»

Россия, снег, провинция немая.
Поскрипывают половицы дней.
Бежит дорога, землю обнимая,
Лежит печать забвения на ней.

Гуляет воздух от весенней браги,
Холодный блеск в прищуренных глазах.
Сюда, сюда, где тёмные овраги,
Скорей зарю везите на возах!

Толпятся по обочинам деревья,
Цепляются ручищами теней.
Разбросанные старые деревни
Молчат всё глуше, тягостней, больней.

Кому ступать по зыбким половицам?
Зачем вы здесь, остывшие дома?
Кому сегодня помнится и снится
Россия, снег, провинция, зима…

1999

«Кто знает, где берёт поэт отвагу?..»

Кто знает, где берёт поэт отвагу?
Как снайпер, совесть бьёт на пораженье.
Листвой ложатся строки на бумагу —
К Преображенью.
Какие дни! Но их осталось мало.
Они поют печаль одну и ту же.
Неси, поэт, в груди и лязг вокзала,
И стружку стужи.
Войди в огонь. Душа чужая – пламень.
И не жалей весёлого «былого».
Судьбу свою ты по краям оплавил,
И вышло слово.
Оно тебе – и посох, и котомка.
Смотри – оно раскинулось равниной.
Скажи его, скажи его потомку
И стань былиной.

1999

«Ты – тонкокрылый призрак лета…»

Ты – тонкокрылый призрак лета.
Ты – тишины густая взвесь.
Ты – верная судьбы примета.
Ты нескончаемый… Ты весь…
И берег утренний тишайший,
И растревоженный вулкан,
И песня чистая без фальши,
И радуга, и ураган.
Тебя нельзя понять однажды
И навсегда переломить.
Твоей невыразимой жажды
Не разгадать, не утолить.
И что земное многоцветье
Тому, кто лёгкою рукой
Качал и рвал ночные сети
И знал молитвенный покой.

1999

«Не умирайте, белые деревья!..»

Не умирайте, белые деревья!
Да сохранит Господь мои леса.
Вы до весны больны тоскою древней.
И только скрипы – ваши голоса.

Брожу всю ночь заснеженным погостом.
Во сне ли? Наяву ли эта ночь?
Как больно приходить незваным гостем
И в ступе одиночество толочь.

Как неуклюже падают снежинки!
Как холодно от лунного луча!
Но в белом поле чёрные прожилки
Так любит сердце, всё ещё стуча.

2000

«Снег сошёл. Оттаяли берёзы…»

Снег сошёл. Оттаяли берёзы.
Как невесты, в городе гостят.
Взглядов дерзких жалящие осы
Вдоль гудящей улицы летят.

Раздувает ветер парусину,
И бежит речная синева.
Наших жизней горькие осины
Зашептали первые слова.

Детский лепет нового столетья
Нам с тобой по буквам разбирать.
День за днём страдать на этом свете,
От ночного ветра замирать.

2001

«Эти белые ночи последней любви…»

Эти белые ночи последней любви
И туманного лета причуды…
Я туда не вернусь, и, зови не зови,
Я такой молодою не буду.

Ах, какие теперь прилетают скворцы!
Открываются души-скворечни.
Прилетай – для тебя я построю дворцы.
На крыле притомился, сердечный.

В нераскрывшихся почках таится судьба,
И зелёное облако бьётся.
И дрожит придорожных кустов голытьба,
И в лицо мне прохожий смеётся.

2001

«Жизнь мою, просыпанную в травы…»

Жизнь мою, просыпанную в травы,
Собери в ладони, собери.
И зелёным облаком дубравы
Озари мой полдень, озари.

Это солнце первым поцелуем
Пережгло, как ниточку, зарю.
Это я иду напропалую
И с туманным лугом говорю.

Злого быта ветхие оправы
Разлетелись в щепки поутру.
Жизнь мою, просыпанную в травы,
Соберу однажды, соберу.

2001

«На подступах к воротам Светограда…»

На подступах к воротам Светограда,
На улицах, торжественно-пустых,
Затеплилась весенняя лампада,
Качаясь на цепочках золотых.
Приду сюда, забыв мою берлогу.
Кругом – ручьёв живая беготня
И громкая капель, и слава Богу —
Весна стоит и смотрит на меня.

2001

«Шум-шурубум. По крыше…»

Шум-шурубум. По крыше
Ходят какие-то птицы.
Но я ничего не слышу.
И ничего не случится.
Проснусь по-птичьи, пораньше,
Сбросив ночное с крыльев.
Я очень боюсь фальши
И мертвенного обилья.
Приду, постучусь споро,
Несколько дней пролистаю…
Я здесь ненадолго, и скоро
Снова – в свою стаю.
Нет ничего выше,
Чем уходить верно…
Кто же там бродит по крыше?
Скверно ему, скверно.

2001

«Открылись окна в сад. Задиристая вишня…»

Открылись окна в сад. Задиристая вишня
Плеснула мне в лицо зелёный звездопад.
И этот лёгкий дым, и этот сумрак мглистый
Не первый год со мной пространство бороздят.
Но был и новый звук в таинственной минуте,
Когда вишнёвый лик так близко подошёл.
И дни мои легли, свежи, как эти прутья,
На золотой закат, на Царственный престол.

2001

«Переезды, перелески…»

Переезды, перелески
Да обрывки проводов,
Да туманные подвески
У подтаявших прудов.
На закате, на рассвете
В этом тонущем краю
Опрокидывает ветер
Кверху донышком зарю.
Ничего она не весит.
Родниками светит даль.
И звенит по мелколесью
Опрокинутый хрусталь.
И пекут в лесу кукушки
Вдовьи годы – пироги.
Ставит месяц у опушки
Золотые сапоги.
Что ни облако – то студень,
Что ни птица – соловей.
Где же люди? Где же люди?
Или не было людей?

2001

«На могиле деда…»

На могиле деда
Сорная трава.
Над могилой деда
Филин да сова.
Братская могила
Во густом лесу.
Братскую могилу
В сердце унесу.
Белые туманы.
Старая луна.
Белые туманы.
То моя вина.
Я не знаю правды.
Я живу сто лет.
Я не знаю правды.
Может, правды нет?
Сосны тянут руки —
Держат небеса.
Сосны тянут руки —
Выше голоса.
На крутое взгорье
Из последних сил.
На крутое взгорье
Из глухих могил.

2001

«Сажал мой прадед яблоневый сад…»

Сажал мой прадед яблоневый сад
И умер, обнимая ствол корявый.
На белорусский, на крестьянский лад
Судьбу он строил, сильный и упрямый.
Мы не умеем нынче так любить!
Свои сто яблонь мы не посадили.
И на исходе жизни, может быть,
Мы никого обнять не будем в силе.
Приду в тот сад, паду к моим корням.
Прими меня, земля, в свои узоры.
О, Беларусь – нетленная броня
Осыпала звенящие просторы.

2001

«Волна судьбы меня на берег вынесла…»

Волна судьбы меня на берег вынесла.
Глаза открыла – вот она, страна,
Где всё моё – от правды и до вымысла, —
Как будто с глаз упала пелена.
Там девочка играет у крылечка.
Ей вышло стать прабабкою моей.
Какие сказки ей шептала речка?
Какие тайны открывала ей?
Мой дед родился в поле, словно колос,
Где жаворонок вился над тропой,
Что дал младенцу свой звенящий голос —
Бери гармонь и трогай звук рукой.
И в том лесу, в землянке партизанской,
Когда он пел – взрывался мессершмитт.
С самою смертью дед мой состязался.
А кто теперь за землю постоит?
Виденья, что ж, – и вымысел, и правда.
Но Благодать сошла на Беларусь.
И сколько жизней пронеслось за кадром,
И я их всех тревожить не берусь.
Когда она стояла на пороге —
Та девочка у краешка земли, —
Над тягостным рыданием дороги

В туманном небе плыли журавли…

2001

«Ишь ты, пранцы заешь его, лихо…»

– Ишь ты, пранцы заешь его, лихо, —
Моя бабка ругала войну.
Никогда не жила она тихо
И познала беду не одну.
В этой доле, и тяжкой, и грустной,
Никого не умела винить.
На былинной земле белорусской
Восьмерых ей досталось родить.
Что успела – сумела, сказала
Неотёсанным внукам своим.
Жаль, мы слушали бабушку мало,
И слова разлетелись, как дым.
Мы живём одиноко и порознь.
Время бьёт всё больней и больней.
Но пошла синеокая поросль
От моих белорусских корней.

2001

«Панцирь холода на плечи…»

Панцирь холода на плечи.
Принимаю ношу льда.
Мир калечит, крест излечит
От потехи и стыда.
Там, за дикими горами,
Новый выстроен ковчег.
Пляшет солнце в белой раме,
Словно снежный человек.
Это тучи, просто тучи,
Не разгонишь их рукой.
Так меня молитве учит
Нераспроданный покой.
Нет дорог – иди полями,
Стань под око синевы.
Нет пещеры – скройся в яме
От неистовой молвы.

2001

«Как играет солнце при восходе!..»

Как играет солнце при восходе!
Как сгорает ветреная стынь!
Кто сегодня и всегда в походе,
Тот увидит праведную синь.

Тише и тревожней с каждым часом.
На заре, как будто при дверях.
Это время, что дано с запасом,
Тратилось на гибельных пирах.

Растворили солнечные дрожжи.
Золотое тесто поднялось.
Будет радость до высокой дрожи
И сиянье огненных полос.

2001

«Такая жизнь – как промельк жадный…»

Такая жизнь – как промельк жадный,
Вся эта облачная хмарь,
И тишина, и шум парадный,
И убиенный государь…
Наполнен мир игрою плоти.
Дрожит кощеева игла.
Кому вы души отдаёте?
Он вам грозит из-за угла.
Уж лучше кокон, лучше келья,
Чем ледяной закон зверья
В дыму последнего похмелья
И в злой тоске небытия.

2001

«Окон ржавые педали…»

Окон ржавые педали,
Облачный велосипед.
Лунной бронзовой медали
Слабый свет.
Снега тихие качели.
Маятник зари горит.
От вечерни до вечерни
Свет стоит.
И янтарная дремота
Первых дней от Рождества.
И пронзительная нота
Естества.

2002

«Я люблю вас, белая метель!..»

Я люблю вас, белая метель!
Я подвластна вашему круженью,
И дрожит душа от напряженья
И судьба, слетевшая с петель.

Гроздь рябины – красное вино.
Не уснуть под сетью паутины.
Облаков холодные пластины
Облепили синее окно.

Золотая башенка зари.
След простыл и сумрак опостылел.
Но слова оттаяли простые.
Ты их знаешь – значит, говори.

2003

«Оконца дней сместились к горизонту…»

Оконца дней сместились к горизонту.
Заплакал горько медноокий клён.
Какой бы ни был пулею сражён ты —
Тебе достались саночки времён.

Они летят. Ты их не остановишь.
Из-под полозьев – звонкая метель.
Когда ты ком тоски своей уронишь,
Когда ты ляжешь в белую постель.

Когда заблещет небо у обрыва,
И тайны века вызвонит заря,
И вспыхнет осень огненною гривой,
Над суетой и праздностью паря.

2003

«Лёд для вина и ледок одиночества…»

Лёд для вина и ледок одиночества
Кинешь в бокал.
Нет, не бокал… Будет, как тебе хочется, —
Чайки у скал.

Ветер, прибой и разбитая лестница,
Краб на песке.
Первых забав молодая ровесница
Спит в гамаке.

Тихая-тихая, горькая-горькая
Синяя новь.
Видишь, крадётся пустыми задворками
Наша любовь.

2003

«Как это облако безгласно!..»

Как это облако безгласно!
Оно повисло надо мной.
Одной тревогой опоясан
Мой ветхий дом и шар земной.
И звёзды, в гулкой колыбели
Тысячелетия влача,
Едва ль дотронуться посмели
Хотя бы кончиком луча
До края истины, до срока,
До отражения в крови,
До первоцвета, первотока,
Перволюбви…

2003

«Зелёные глаза – как подорожники…»

Зелёные глаза – как подорожники…
А мы с тобой – любви своей острожники.
Мы полюбили сумрачные дали,
Как будто в них спасенье увидали.
Полёт листвы – осенняя амнистия.
Усыпан двор стареющими листьями.
А мы в темнице горестных свиданий
Всё ищем слов для глупых оправданий.
Что ни разлука – сущая нелепица.
Сухой листвы верёвочная лестница
Бежит, бежит за призрачной удачей
И разлетается копеечною сдачей.
Желтеют по дорогам подорожники,
И по острогам – новые острожники.
И странно видеть огненные лица,
И странно жить, и петь, и веселиться.

2003

«Ты увидел, как ели глядят…»

Ты увидел, как ели глядят,
И глаза их задумчиво строги.
Ты увидел, как листья летят,
И рассыпался сам у дороги.
Уходить – так по свежей стерне,
Уходить – так по чистому полю.
А стоять – так стоять на броне,
А стоять – так за землю и волю.

2003

«Горький дым отечества глотая…»

Горький дым отечества глотая,
Я брожу затверженным путём.
Ах, какая улица пустая!
Хорошо не думать ни о чём.
Здесь к стене ты молча прислонился,
И стояли долго мы вдвоём.
А потом ты двадцать лет мне снился,
Заревым встречал меня огнём.
Есть, я знаю, лирика атаки,
Есть спасенье в горечи борьбы.
И в затишье долгом – Божьи знаки.
И разгадка бренности судьбы.

2003

«День придёт – и мы помолодеем…»

День придёт – и мы помолодеем
От объятий матушки-земли.
Жаль, что мы не пашем и не сеем,
И не водим в море корабли.
Мокрая лебёдка снегопада
Поднимает город к небесам.
Белый шар небесного распада
Не по дням растёт, а по часам.
Жизнь проходит снежными вратами,
Возвращаясь к пашне и зерну.
В небесах заря над городами
Поворачивает на весну.

2003

«Снежная, белая, долгая тишь…»

Снежная, белая, долгая тишь.
Стая ворон над раскидистой кроной.
Сквозь непроглядную вьюгу глядишь —
Пляшут и пляшут седые вороны.
Сколько отмерено горькой тоски?
Сколько идти по рыдающей хляби?
Сердце считает, считает броски,
Просит и просит – остави, ослаби…
Серая, старая, гулкая тьма.
Дальше – неспешно, не нужно, не срочно.
Так вот, наверное, сходят с ума
В синие-синие зимние ночи.
Хлопья тоски – не тебе одному.
Как бы ты пьян одиночеством не был,
Звонко расколет хрустальную тьму
Солнечный лучик, пронзающий небо…

2003

«Осенние вспышки лесного народа…»

Осенние вспышки лесного народа,
От светлой тропинки до тёмного брода.
От первой тревоги до горечи жгучей.
От слабой осинки до ели могучей.
Там солнечный кокон на ниточке пляшет.
Он землю и завтра зарёй опояшет.
Листвой обернёт эти влажные кочки,
И высверлит око в ночной оболочке.
Здесь каждый живёт, словно клавиша века,
От блика холодного до человека,
От беглого зэка до чудного старца,
От угольной пыли до белого кварца.
Всё ближе венчальное зимнее царство.
Всё чище, и шире, и звонче пространство.
Где лес корабельный, да сосны, что флаги,
Да грома небесного полные фляги.
Там светятся мачты и туч парусина,
Там солнечный якорь, да имя – Россия.

2003

«Холодный чайник дремлет на плите…»

Холодный чайник дремлет на плите.
Цветёт метель за окнами и в сердце.
А после уступает пустоте
И, уходя, захлопывает дверцу.
А мне твои понятны сквозняки.
Ты для меня – совсем особый случай.
Все пустяки становятся близки
Под этим вихрем нежности летучей.
Дробится свет ночного фонаря,
Дрожат зари развёрнутые флаги.
Горят снега, мелодию творя,
И я брожу по огненной бумаге.

2003

«Из года в год ты тянешь поневоле…»

Из года в год ты тянешь поневоле
Возок судьбы.
Тебе в награду чёрный дым, не боле,
Да гром пальбы.
Твоя неделя тонко, семиструнно
Звенит, звенит…
Идёшь, покуда солнечные руны
Плывут в зенит.
Твои шаги тихи, как эти блики
Слепой луны.
Среди людей-теней, среди великих
Все мы больны.
Ты видел свет по кромке небосвода,
По дну ковша.
Тебе теперь дарована свобода —
Твоя душа.

2003

«Осталось ждать совсем немного…»

Осталось ждать совсем немного:
Быть может, час. Быть может, день.
Там, где пылит моя дорога
Среди поникших деревень.
Среди распластанных оврагов
Я буду ждать Твоих вестей,
Глотая ветреную влагу
Со всех российских волостей.
И поразит меня, как громом,
И стану я Тебе близка.
А Ты пройдёшь в молчанье строгом
По-над течением леска.
По-над течением погоста,
По-над течением любви.
И я пойму легко и просто
Слова и Таинства Твои.

2003

«Зажат мой день в тисках заката…»

Зажат мой день в тисках заката,
Блестит полоскою вдали.
Пространство мутное разъято,
И время корчится в пыли.
Дождя холодные дробинки
Позвякивают о стекло.
В остывшем небе – ни кровинки.
Весь город мглой заволокло.
И пляшут солнечные пятна,
И цветом полнятся иным.
И чудеса невероятны,
Как волны в море тишины.
Как всплески в лунном окоёме,
Дробинки дней летят, летят…
И в пересохшем водоёме
Немые рыбины блестят.
Ступаю тихо, осторожно,
Чтоб не задеть их, не спугнуть…
Нельзя уйти, но можно, можно
Страницу дня перевернуть.

2003

«И дождь, и снег, и облачные стены…»

И дождь, и снег, и облачные стены
Отгородили солнце от живых.
Мы, словно тени зонтичных растений,
Молчим, стесняясь участей своих.
Но я храню и помню, понимаю
Твоей любви космический корабль.
Где Млечный Путь – что улочка кривая,
И солнце – на песке застывший краб.
Беги, беги, мой многоногий спутник!
Свети, свети, мой неустанный диск!
О, как поёт Земли ночная лютня,
Где вышли мы из океанских брызг!
Когда кричит крылатая ракета,
От горизонта рассекая высь,
Мне странно, что живут ещё поэты,
Ещё поэты не перевелись.

2003

«Всё поёшь и поёшь, одинокая птичка…»

Всё поёшь и поёшь, одинокая птичка,
Всё глядишь и глядишь…
Всё короче с утра по ветвям перекличка.
Ты когда улетишь?

Покажись на прощанье, моя недотрога.
Я с тобою пройду
Этот лес, это поле, до чёрного срока
В тридевятом году.

Заревые огни, неизбывные вёсны
Будут нам по плечу.
От родимой земли, от родного погоста
Улетать не хочу.

2003

«Мы как будто ещё и не жили…»

Мы как будто ещё и не жили,
Не утешились, нет…
Слитки жёлтой листвы положили
Вереницею лет.

Что там было? Кривая берёза.
Путь жука по коре.
Да однажды большая заноза.
Да костры во дворе.

Вот тогда, вот тогда мы дружили
В простоте, не во зле.
А потом будто вовсе не жили
На холодной земле.

2003

«Зачем, скажи, настойчиво и нежно…»

Зачем, скажи, настойчиво и нежно
Указан путь?
Маяк зари не даст душе мятежной
С пути свернуть.

И купол неба, словно купол храма,
Стоит в лесах.
Зачем, зачем он светится упрямо
В твоих глазах?

За этот свет, за эти перелески
Твоя мольба,
Где сушит ветер солнечные фрески
И бьёт судьба.

2003

«Дождь говорил рокочущим баском…»

Дождь говорил рокочущим баском,
И трепетала старенькая крыша.
Любовь росла по зарослям, тайком.
И ты не знал, кто радугу колышет.

Ты уходил в растресканные дни.
А я латала трещины упрямо.
В траве, среди июльской трескотни
Кузнечики ковали телеграммы.

Вставала строем диким лебеда,
Царила тень в колониях крапивы.
И отражала зоркая вода
Твоё лицо и ветку старой ивы.

2003

«Опять цветёт черёмуха…»

Опять цветёт черёмуха
В садах судьбы моей,
Судьбы, что бьёт без промаха,
Поди преодолей!

По веточкам завертится
Тревожная пыльца.
И тучка спрячет зеркальце —
Не пить воды с лица.

И лягушачьей кожею
Сгорает жизнь моя.
Я ухожу порожнею
В кощеевы края.

2003

«Какое краткое свиданье…»

Какое краткое свиданье —
Сожгли деревья крылья крон.
В глуши больного мирозданья
Один ответ, один закон.

Там день последний умирает.
А говорят – века текут.
Краями рваными играет
Небес раскроенный лоскут.

Ещё секунда – канет в реку,
И хлынет дождь, и ляжет снег…
От пристани, от человека
Отчалил двадцать первый век.

2003

«Листва парит над нами семицветно…»

Листва парит над нами семицветно.
Мы будем петь сияние листвы.
А птицу Русь любовью безответной
Любили мы.

Ах, как поют натянутые струны —
С земли до неба ниточки берёз.
Дай руку, брат, мне на дороге трудной
И пой до слёз!

2003

«Москва прощается с листвой…»

Москва прощается с листвой.
Прощай, прощай, пора восстанья,
Где восхитительны страданья
И жёлтый сумрак восковой.

Дымятся Нижние Котлы,
На Верхней Масловке – цветенье.
Покоя бисероплетенье
И одиночество иглы.

Сегодня гаснет листопад,
И сохнет небо, солнце чахнет.
Ещё денёк – и всякий ахнет.
А нынче спят, а нынче спят.

2003

«Я разворачиваю свиток…»

Я разворачиваю свиток
За часом час, за днями дни.
Я жгу напрасные огни,
Живу душе своей в убыток.

А за окном опять весна,
Тонов пастельных фейерверки.
И приближая время сверки,
Качается кораблик сна.

На нём незримая печать.
Он свеж, как лунная дорожка.
Прожить, пройти совсем немножко —
И можно заново начать.

2003

«Как ярок белый свет и неутешен ветер!..»

Как ярок белый свет и неутешен ветер!
И распласталась ночь на диске дня.
И мириады звёзд на стыке двух столетий
Скользят меж нами, вкрадчиво звеня.
А мы идём сквозь шум и океан кромсаем,
На кораблях обид вползая в тишину.
Дрожит ладонь луны, и тень её косая
Легла, перечеркнув огромную страну.
Куда ни поверни – потерянное, злое.
Кого ни позови – туманное «терпи».
Разложены слова на нотный стан покоя,
И музыка одна – купи, купи, купи…
К любви не подверстать ни славу, ни богатство.
И время, как всегда, застало нас врасплох.
Глядишь, в распыл уйдут любовь и постоянство.
Кому кричать «ау», когда весь мир оглох?

2004

«Седой тростник, поёт твоя душа…»

Седой тростник, поёт твоя душа.
Над речкой быстрой – облачная пляска.
Стою, а за душою – ни гроша,
И развожу речной водою краски.
Чего ты ждёшь, поёшь кому, тростник?
Твоя душа – коричневая стрелка.
И жизнь прошла, и год, и целый миг…
Проходишь по реке – и всюду мелко.
А над водой – разведчики жары —
Войска стрекоз пронизывают небо.
И тают блики облачной игры
Во мгле реки, и отраженье немо.

2004

«Всё тело, тело, тело…»

Всё тело, тело, тело…
Беспечно мы живём.
Листва ли облетела,
Замёрз ли водоём,
Туман ли пал, гроза ли,
Зацвёл ли первоцвет…
Всё хлопаем глазами
На этот белый свет.
Нам смолоду нет дела,
Что час придёт стареть…
Всё тело, тело, тело,
Которому – истлеть.

2004

«Собираю хворост голосов…»

Собираю хворост голосов,
Разжигаю печь моих печалей.
Под сукном берёзовых лесов
Спит земля, а мы не замечали…
Пуще жар. Потрескивают сны,
И дробятся бронзовые искры.
Но сердца больны и холодны,
И пути по-прежнему не близки.
И к метро стекаются ручьи,
И у нищих зрячие ладони.
Этот город мы с тобой прочли.
Помнишь, целовались на перроне?
Нам такой багаж не увезти
В дикий лес, таинственный и влажный.
Как тома любви переплести?
Как поднять из мглы многоэтажной?

2004

«Инструментовкой тонкой…»

Инструментовкой тонкой
Искрится зимний лес.
Мелодией негромкой
Морозный день воскрес.
Вдали, над нотным станом
Склонились деревья.
И я аккордом стану,
А музыка жива.
Легка она, как воздух.
Горька она, как дым.
И мой аккорд морозный
Я отдаю другим.

2005

«Деревья у деревни Снегири…»

Деревья у деревни Снегири
Окутаны туманными шарфами,
И тени их качают головами.
А жизнь проходит, что ни говори.
Весна большая, словно океан.
Её шторма за окнами бушуют.
И у неё о будущем спрошу я.
Она склонит ко мне свой тонкий стан.
Дома, как рыбы, в неводе дождя.
Они бунтуют, дребезжа крылами.
А солнце красной птицей над стволами
Смеётся, всех вокруг с ума сведя.

2005

«Рисуют ветки стрелки на воде…»

Рисуют ветки стрелки на воде,
Указывая путь в большую осень.
И на тропе, и в воздухе – везде
Дрожат листвы оранжевые осы.
Где яркий день? Остыл теперь, пропал.
И гонит ветер пьяные осколки.
Там тени сонные, и жёлтая тропа,
И осами осыпанные ёлки.
Когда осенней слякоти клубок
Закружит, заполощет спозаранку,
Приду и на развилке двух дорог
День разверну, как скатерть-самобранку.
Придёшь и ты и встанешь в борозде,
Дождём прольются сумерки густые.
Моя любовь рисует на воде,
И жалят, жалят осы золотые.

2006

«Густой туман полоской серебристой…»

Густой туман полоской серебристой
Во мгле завис.
Туман и дождь – осенние стилисты
За нас взялись.
Ещё бушует солнце на рассвете,
Ещё цветёт.
Ещё гуляет в солнечном берете
Лесной народ…
Но в листьях клёна первая тревога
И сухость дня,
Куда бежишь ты, тихая дорога,
Листвой звеня?
Откройся, осень, – яркая цыганка.
Танцуй и пой!
В моей стране я тоже чужестранка.
Домой, домой…

2006

«О, мой посеребрённый витязь!..»

О, мой посеребрённый витязь!
Заснеженный высокий храм.
Осенние ветра, склонитесь.
Что вам раскаянье, ветрам?
Ползти холодною позёмкой,
Стучаться в мёрзлое окно…
А мне и дудочкой негромкой
Звучать под солнцем не дано.
Какой разлукою объяты
Туманные глухие дни…
Все эти солнечные пятна,
Все эти тусклые огни…
Молитесь за меня, молитесь —
Скажу снегам, скажу ветрам.
О, мой посеребрённый витязь,
Заснеженный высокий храм.

2006

«Мечтаньям вопреки забиться в душный кокон…»

Мечтаньям вопреки забиться в душный кокон
И жить наперекор и времени, и снам,
Судьбу свою плести из тоненьких волокон
И знать наверняка, что сбудется весна.
Навязчиво сквозит за стенами удача
И, чешуёй звеня, скребётся в дверь твою.
И дни твои плывут, докучливо судача,
Но ты, едва дыша, твердишь: пою, пою…
Уже готов пронзить тебя сквозняк прощальный,
Уже ложится ночь – безлицая вдова.
А ты всё тянешь нить, и кокон твой печальный
Качается в ночи, как белая сова.
Такая хмарь и тишь, и свет не проникает
Сюда сквозь пелену, сквозь нитяную твердь.
Но вот он – шелест крыл – пространство рассекает,
И бабочка летит, превозмогая смерть.

2007

«Едва, едва лишь рассвело…»

Едва, едва лишь рассвело —
Уже метро гремит повсюду.
Летит подземное стекло
Сквозь будней каменную груду.
Метро не знает падежей,
Оно «метро» на всех наречьях.
Москва не знает рубежей.
Ей равно дорог каждый встречный.
Такие тайные дворы
Она откроет в летнем зное!
Ах, лишь бы не было игры…
Ах, лишь бы чувство неземное…
Москва, среди своих гостей
Ты всё же «русская душою».
И жар любви, и шум вестей —
Да сотворят тебя большою!

2007

«Какая стройная душа…»

Какая стройная душа
У этой пихтовой аллеи.
Ветвями дней моих шурша,
Она мне кажется милее.
Она вошла в меня, как звук,
Протяжный, из иного мира.
И не тревога, не испуг
Запомнился, а цвет сапфира.
Я шла по мягкому ковру,
Как по игольчатому чуду.
И мне казалось – не умру,
А встану в облачную груду.
И буду так же трепетать,
Иголки мёртвые бросая,
И буду так же лепетать,
Как эта девочка босая…

2007

«Цветёт черемуха, и плещется душа…»

Цветёт черемуха, и плещется душа
В её волнах, как в перьях Серафима.
Черемуха светла и хороша,
Всегда жива, всегда неуловима.
В сетях ночных она к себе зовёт
Все звуки дня – остыть, уснуть, смириться.
Челнок луны шелка свои прольёт,
И в белом коконе закружится столица.
Но чуть кольнёт запястье первый луч,
Едва услышишь тихий вздох привета —
Весь океан черемух из-за туч
Рассыплет градины сияющего света.
И звуки дня поднимутся, взойдут.
И загудит черёмуховый улей.
И ты увидишь, как во мгле минут
Летит душа серебряною пулей.

2007

«Грустит погода-недотрога…»

Грустит погода-недотрога.
Печален городской пейзаж.
Гремит и дыбится дорога,
И петли дыма входят в раж.
Затянут огненный подсолнух
Смолистым роем серых туч.
Там, на волнах, тревоги полных,
Летит кораблик с белых круч.
Да это голубь расстарался!
Свобода. Утро. Купола.
Куда он, белый, подевался?
Ах, вот он, вот он – два крыла.
Возьми меня под купол синий,
Хотя б мой голос воскреси!
Чтоб волны и меня носили,
Как щепку, по штормам Руси.

2007

«Мы повторим и Блока, и Марину…»

Мы повторим и Блока, и Марину,
И Осипа, и Анну повторим.
Дорога-жизнь, горячая долина —
Мы под холодным солнцем загорим.
Мы повторим их горестные годы,
И светлых дней дожди омоют нас.
Зачем нам столько роздано свободы?
И кокон опустел в урочный час?
Зачем опять нам ветер в спину дышит?
Не оглядеться, не сойти с пути.
О, эти белые сверкающие крыши,
Венцы терновые, готовые цвести…

2007

«Заря осенняя, каракули ветвей…»

Заря осенняя, каракули ветвей.
Бросает солнце огненные взгляды.
Зажгли берёзы ниточки бровей
И расстелили жёлтые наряды.
Последний лист, срывайся и лети!
Стоит ноябрь, как вкопанный, на месте.
А нам с тобой назначено идти
По снегу, по развалинам, по жести.
Там стая птиц красиво, как в раю,
Летит и пишет чёрными штрихами.
И мы стоим у неба на краю,
Бескрылые, покрытые грехами.
И золотятся первые лучи,
Заря играет солнечные фуги.
И сердце бродит факелом в ночи.
А дни неподражаемо упруги.

2007

«Собираю хворост голосов…»

Собираю хворост голосов,
Разжигаю печь моих печалей.
Под сукном берёзовых лесов
Спит земля, а мы не замечали…
Пуще жар. Потрескивают сны,
И дробятся бронзовые искры.
Но сердца больны и холодны,
И пути по-прежнему не близки.
И к метро стекаются ручьи,
И у нищих зрячие ладони.
Этот город мы с тобой прочли.
Помнишь, целовались на перроне?
Нам такой багаж не увезти
В дикий лес, таинственный и влажный.
Как тома любви переплести?
Как поднять из мглы многоэтажной?

2007

«С утра такая благодать!..»

С утра такая благодать!
Снежинки пахнут миром древним.
Их не унять, не отогнать.
Они расселись по деревьям.
Лучами колют мне лицо,
Шестиугольные принцессы.
Они, они, в конце концов, —
Дыханье утреннего леса.
Они – тревожные следы
Чуть-чуть оттаявшей надежды.
Немые призраки воды —
Снежинок белые одежды.
Вдруг кто-то тронул их рукой.
Они растаяли мгновенно.
И лёг пронзительный покой.
И стало так обыкновенно…

2007

«Вечерний поезд над рекой…»

Вечерний поезд над рекой
Гремит торжественною мессой.
У миллионов под рукой
Нет сказочного мерседеса.
И весь в оранжевых огнях
Дрожит проспект спиной кошачьей.
И на серебряных конях
В плащах блестящих звёзды скачут.
А мы домой. Слепят глаза
Стальные выкрики рекламы.
И нам нельзя, нам спать нельзя
В толпе, в вагоне, в звёздном хламе.
Вечерний поезд над рекой
Гремит, и движется, и блещет.
У нас пространство под рукой
Так упоительно трепещет.

2007

«И ты, как я… Ты так же одинок…»

И ты, как я… Ты так же одинок —
Нам всем нужна весенняя доглядка.
Вонзит весна свой солнечный клинок
В соцветье улиц – вот её повадка.
И стайки трав, глядишь, и поднялись.
И ты стоишь и щуришься от света.
За небоскреб туманный лунный диск
Сползает сновидением поэта.
Толкни его – покатится живей,
Но ты считаешь тощие секунды.
Когда и жить, и плакать веселей, —
Тогда весна, и дни её безумны.
Но тех ли дней хотело сердце? Нет.
И пусть оно сгорает без остатка…
Но день за днём мы движемся на свет —
Нам так нужна весенняя доглядка.

2008

«Ловлю я тень твоей звезды…»

Ловлю я тень твоей звезды
И понимаю – не поймаю.
В ладонях капельки воды
Как две планеты поднимаю.
И свет над кромкой облаков
Читаю, как дрожащий свиток.
И пятнышки материков
Плывут, как мраморные плиты.
Под панцирем течёт река…
А солнце – раскалённый шарик,
С душою чистого цветка
Земля – неоновый фонарик.
Так жадно смотрят на Восток
Все астронавты и поэты,
Но человек так одинок
Во чреве огненной ракеты.

2009

«И снова десятые годы…»

И снова десятые годы.
И снова туманные дни.
Одним не хватает свободы.
Другим не хватает любви.
Изрыта земля миражами.
Уныло восходит луна.
Мы участи не избежали —
Распутывать облако сна.
Заглядывать в тусклые щели
Разбитой ограды судьбы
И горьких плодов просвещенья
Вдыхать золотые клубы.
Любовь нынче вышла из моды.
Свободе в лицо загляни…
И снова десятые годы.
И снова туманные дни.

2010

«Я ловко прячусь от дождя…»

Я ловко прячусь от дождя
Под крышей зонтика цветного.
А листья мокрые глядят —
Завидуют мне, до смешного…
Ах, что вы, листья! В тишине
Вы все забудете заботы…
А мне – топтаться в позднем сне
И ворошить свои пустоты.

2010

«Бежит зима тропинками обид…»

Бежит зима тропинками обид.
Скользит зима откосами желаний.
И в утреннем троллейбусе знобит
От сонных лиц, от этих грубых дланей.
Темно и сыро, кашляет шоссе
И замирает в искрах светофора.
И в белых строчках зимнего эссе
Так много неразгаданного вздора.
Вчера огни над площадью взошли,
Вчера толпа плевала на запреты.
А нынче белым возгласом земли
Ложится чистый снег на парапеты.
К метро привычно катит инвалид,
И женщины летят к огням признаний.
Бежит зима тропинками обид.
Скользит зима откосами желаний.

2010

«Во мне так много собралось…»

Во мне так много собралось
Неосветлённого пространства.
Откуда боль? Откуда злость
В тиши осеннего убранства?
В урбанистические сны
Погружена сама природа,
И старый небоскрёб сосны
Гостей встречает год от года.
И я среди его гостей,
И я в краю вселенской жажды.
Зима нам выбелит постель
В холодных сумерках однажды.
Зима нам высветит маршрут
До самой кромки мирозданья…
Осталось несколько минут
Чистосердечного признанья.

2010

«Троллейбус – бычья голова…»

Троллейбус – бычья голова —
Во тьме прокладывает тропы,
И женских взоров кружева…
Вот «Похищение Европы».
Со всех сторон глаза машин
В потоке снежного тумана,
И время падает с вершин,
Глядит с вечернего экрана.
О чём, о чём они кричат,
Твои картины городские?
Кусты со взглядами волчат
И судьбы дерзкие людские.
Молвою полнится Москва,
И снег раскачивает стропы.
Троллейбус – бычья голова,
И похищение Европы…

2010

«Забыть себя. Учиться только смыслу…»

Забыть себя. Учиться только смыслу
Ночных глубин и утренних дорог.
Висит луны кривое коромысло
И ждёт плеча, и ждёт весёлых ног.
Беги с бугра и зачерпни водицы,
А вёдра к дому сами побегут.
И верь – не верь. Но не устань молиться
О полноте пережитых минут.
Вода с небес. И шум дождя отрадный.
Прибилась осень в рваном колпаке,
Бредёт за мной дорожкой листопадной
С листом кленовым в ледяной руке.
Прощай, подруга, не найти ключи нам!
Тебе – владеть и рощей, и тропой.
А мне в суму сложить мою кручину.
Холодный век. И, говорят, скупой…

2010

«Я научусь любить и понимать…»

Я научусь любить и понимать
Закат, творящий солнечные замки.
Он может наши души обнимать,
А после – жечь, как хвороста вязанки.
Я научусь любить и понимать
Строку, летящую ко мне полоской света.
Мне выпал странный жребий – окликать
Тебя в ночи и не искать ответа.
Свиданий тлен осыпался с ветвей.
Невидимое сердцу всё дороже.
Быть может, научусь в стране теней
Любить тебя и радостней, и строже.

2010

В Юрьевце

Цветы по полю разбежались —
Бери в ладонь.
Созвездья к берегу прижались —
А их не тронь…
Тумана белые фигуры
В ремнях осок.
И сам обрыв янтарно-бурый,
Далёк, высок.
Восстали, как грибы под ливнем,
Особняки.
Заборы вереницей длинной
В черте реки.
Зрачков её затронут трепет
И влажность век,
Стихает ясноликий лепет
И юный бег.
Ах, скоро новые искусы
Увидим мы.
И новый день завяжет в узел
Тесьму сумы.

2010

«Закон стремительного утра…»

Закон стремительного утра —
Ни ветерка.
Во мглу сырую поминутно
Летят шелка.
Восхода медные валторны
Обнажены.
И кружат облачные волны
Зрачок луны.
В оркестре дня – ночная фреска
Задребезжит.
Весь горизонт, по-птичьи дерзко,
Огнём расшит.
И в этом голосе природы —
Один поток.
Твои часы, и дни, и годы —
Зари глоток.

2011

«Бегущий август кинул паутину…»

Бегущий август кинул паутину
В сплетенье трав и скрылся в синеве.
Твои слова, как заросли, раздвину —
Твои глаза живут в моей листве.
И в полумраке леса, на тропинке,
Я вижу тени всех, кто здесь прошёл.
Пересчитаю горькие травинки
И обниму луны холодный шёлк.
Здесь дышит всё и плачет не напрасно…
Глаза твои – заглавие любви.
И целый лес кивает мне согласно —
Повествование не оборви…

2011

«В двух шагах от любви…»

В двух шагах от любви
Сад осенний роняет сюжеты.
Поднимай и лови,
И бери их себе на манжеты.
Эти листья не лгут,
Этот ветер до странности нежен.
Новый день-баламут
Золотое полотнище режет.
Так и солнце живёт,
Просыпаясь на огненном вздохе.
И летит, и зовёт,
Словно книгу, листая эпохи.

2011

«Поёт, поёт шарманка…»

Поёт, поёт шарманка
Старинная, поёт.
А в мире перебранка
Слышна который год.
На воле делят деньги
И прочие дары.
А у меня виденья
Отчаянной игры.
Как призрак человека,
Оттаявший скелет,
Скитаюсь в дебрях века
Затерянный поэт.
У самого подножья
Потрескалась кора.
Видать, по бездорожью
Отчаливать пора…
Склонюсь к родному стану,
К родному очагу,
И плакать перестану,
И тленья убегу.

2011

«С метелью играю…»

С метелью играю
в четыре руки,
и знаю, и знаю —
те дни далеки.
Когда разорву я
земные круги,
зарю горевую
оставлю другим…
И в коконе лунном
закружится нить.
В кольце семиструнном
легко семенить.
Бежать и тревожить
протяжность струны.
Ворочать и множить
судьбы валуны.
Не каждому голос
даётся и жест.
Но каждому совесть —
и каждому крест.

2011

«Цветёт ли сакура,
когда летит волна…»

Цветёт ли сакура, когда летит волна,
Сметая города в лихой погоне?
Она цветёт. Смотри, она одна,
Как лепесток луны на чёрном фоне.
Страх оказаться там, где темнота,
Застыл в зрачках красавицы-японки.
Земля уходит из-под ног. Вода
Несёт всё ближе страшные обломки.
Земле неведом наш людской закон.
Она ни стран, ни лиц не различает.
В её разломах огненный дракон
Своих гостей объятьями встречает.
В глазах японки – бьётся океан.
И что ещё таят его истоки…
Эй, кто там лупит в лунный барабан?
Над сакурой, взошедшей на Востоке.

2011

«Скачи, мой сон – пружинистый кузнечик…»

Скачи, мой сон – пружинистый кузнечик,
Спеши туда, где сочная трава.
Там свеж, там изумруден летний вечер,
И скоро вступит ночь в свои права.
Она взошла в сиреневом покое.
Щитом луны прикрыла наготу.
И облака, как лепестки левкоя,
Скользят и застывают на лету.
Холодный ум подсказывает сдаться.
Мой сон, лесной кузнечик, ускакал…
И мне в который раз не докричаться
До золотых, до лунных покрывал.

2011

«Ты от долгой дороги устал…»

Ты от долгой дороги устал,
Был полёт ослепительно звонок,
Раскололся небесный кристалл,
И по льду побежал жеребёнок.

И в глазах твоих цокот копыт
И звучанье апрельской капели.
Кто усталость твою окропит
Из весенней прохладной купели?

Никогда, никогда, никогда
Не беги от земного рыданья,
И взыграет в канавах вода,
И уйдут наши судьбы в преданье…

2011

«Деревья – это молитвы…»

Деревья – это молитвы,
Взмывающие в небеса.
Их ветви остры, как бритвы,
Пронзительны голоса.

Я слышу. Я вторю хору.
Деревья и я – одно.
Нам снежные шубы впору
И звёздное полотно.

Мы снова судьбой измяты.
Молитвы слетают с губ.
И старых небес заплаты
Надёжнее медных труб,

Надёжнее денег и славы
Дорожные бубенцы,
Небесные ледоставы
И облачные дворцы.

2011

«Как будто снег, как будто непогода…»

Как будто снег, как будто непогода…
Летят слова за тридевять земель.
И белый след двенадцатого года
Звучит во мне, как старая свирель.
Здесь чистых нот сверкающие стаи
И новых лиц стремительный поток…
За днями дни я медленно листаю
В надежде отодвинуть эпилог.
А старый год растает постепенно
И коконообразно отпадёт.
И новый день сверкающей вселенной
Над городом, над временем взойдёт.

2012

«Кругом сирень – цветущий джаз…»

Кругом сирень – цветущий джаз.
Её глаза четырёхзначны,
Распахнуты, чуть-чуть прозрачны
И призрачны в рассветный час.
Слегка дотронуться рукой
До облачного лабиринта,
Где вспыхнет радостная квинта…
Войти, войти в её покой.
Найти единственный цветок,
Он – исключение из правил.
Пять белых нот цветок расправил,
Пять лепестков, как водосток.
Но где он? Где? Повсюду джаз,
Повсюду зонтики цветные,
И человечки заводные
Дрожат, как искорки из глаз.
И вот под шапкой бытия,
В туманной белой колыбели
Я слышу – голос еле-еле
Доносится: «Бери меня».
И я тогда его найду
И разгадаю в гуще джаза.
Рукой дрожащею три раза
Перекрещусь и отойду.

2012

«Москва, пронизанная током…»

Москва, пронизанная током,
Опутанная проводами…
Прильнуть, припасть к твоим истокам
Всё больше хочется с годами.
Всё чаще в тёмной парусине
Ночных небес над головой
Мне видятся лучи России,
Сходящиеся над Москвой.
Сходящиеся над Берлином
В тот памятный весенний день.
Мир не погиб. Пройдя полмира,
Мой дед шагнул через плетень.
Вот он в шинели, на откосе
Махорку крутит, свет в окне…
А на расстрелянной берёзе
Сидят грачи, как на броне.
Какие фото мир оставил
И в письмах выслала война!
Семидесятую верстаем
Весну. Победа и весна.
От русских лиц, от этих вспышек,
Течёт московских улиц шёлк.
Ты новых встретила мальчишек,
Врастающих в бессмертный полк.

2014

«Как страшно, трепеща крылами…»

Как страшно, трепеща крылами,
В силках надежд, в пылу страстей,
Под полумертвыми стволами
Спасенья ждать и ждать вестей.

Где корни жёлтыми ручьями
Перебегают по земле,
Где полстолетья за плечами
Несёшь, как гость, навеселе.

И падаешь, и сводит крылья
От невозможности лететь.
И знаешь, что придётся пылью
Рассыпаться и умереть.

Так что же движет этим солнцем?
Зачем так ярок шум травы?
Зачем пролит холодный стронций
В тончайший кобальт синевы?

2014

«Цветёт каштан, и грезит май дождём…»

Цветёт каштан, и грезит май дождём.
Ещё трава не ведает старенья.
А мы след в след судьбе своей идём.
Каштан – как птица в дрожи оперенья.

Белеет снег черёмуховых лиц,
Они теперь всё ярче, всё моложе.
Срывает ветер шелуху страниц
С такой тоской и яростью – о Боже!

Каштан взывает к небу сотней рук…
Из белых перьев строй неуловимый.
Я птицей упаду к тебе, любимый.
Но кто избавит нас от вечных мук?

2014

«Зима, как белый пароход…»

Зима, как белый пароход,
По сонным улицам московским,
Преображённая, плывёт
И здесь, и там, над перекрёстком.

И здесь, и там, где Божий Храм
Весь мир объемлет куполами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.